

Ольга Буторина

Александр
Захаров

О НАУЧНОЙ ОСНОВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА*

Ольга Витальевна Буторина — д. э. н., заместитель директора Института Европы РАН, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД РФ. В 1983 году окончила факультет международных экономических отношений МГИМО. Работала в системе Министерства внешней торговли СССР, с 1989 года — в Институте Европы РАН. В 2003 году создала кафедру европейской интеграции МГИМО, которую возглавляла до 2012 года. Автор более 130 научных работ, включая две индивидуальные монографии. В 2011 году под ее редакцией вышел учебник для вузов «Европейская интеграция».

Электронная почта: e_integration@mail.ru

Александр Владимирович Захаров — к. э. н., заслуженный экономист Российской Федерации, вице-президент ОАО «ИК «ЕВРОФИНАНСЫ». В 1980 году окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, в 1988 году — Всесоюзную академию внешней торговли. В 2004 году защитил в Финансовой академии при правительстве Российской Федерации диссертацию «Перспективы создания единого валютно-финансового пространства СНГ». Автор более 50 публикаций, инициатор создания и один из авторов учебника для вузов «Конституционная экономика». Работал в Торгово-промышленной палате СССР. В 1992–2003 годах — генеральный директор Московской межбанковской валютной биржи. В 2003–2011 годах — заместитель председателя правления Сбербанка России. В 2011–2012 годах — вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

Электронная почта: avzakharov@list.ru

Scientific basis of the Eurasian Economic Union

Olga Butorina, Alexander Zakharov

Eurasian Economic Union (EEU) is aimed at being a point of geopolitical attraction in the region and improving global standing of its participants. There are two key factors vital for the Union's success: its strategy has to take into account specific traits of transition economies and adequately react to the challenges present in the region. According to the authors, there has been no high-level professional research response to the issues in question so far. Necessary analysis can be implemented using multilateral efforts of the regional academics using global experience of private think tanks and research centres.

Key words: Eurasian Economic Union, integration, transition economy, Eurasia

JEL: F13, F15

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 13–33–11120.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) призван создать в регионе полюс геополитического притяжения и существенно укрепить позиции участников в мировом соревновании. Для успеха ЕАЭС необходимо, чтобы его стратегия отвечала двум условиям: максимально учитывала устойчивые особенности переходной экономики и адекватно отвечала на специфические вызовы, с которыми сталкивается региональная интеграция. По мнению авторов, пока профессиональная постановка данных проблем отсутствует. Их осмысление целесообразно провести на многосторонней основе силами научного сообщества государств-членов с использованием мирового опыта частных научно-исследовательских центров.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, переходная экономика, Евразия.

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В январе 2015 года начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе России, Казахстана, Беларуси и Армении. На очереди — присоединение Кыргызстана. В обозримом будущем к ЕАЭС может присоединиться Таджикистан. Согласно статье 4 Договора о ЕАЭС, основными целями союза являются: 1) стабильное развитие экономик стран-участниц и повышение жизненного уровня населения; 2) формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; 3) модернизация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобализации.

Очевидная, хотя и официально не заявленная миссия ЕАЭС состоит в том, чтобы сформировать на постсоветском пространстве полюс геополитического притяжения и новый, альтернативный американскому и европейскому, центр силы. Участники объединения берутся не только создать единое экономическое пространство, но и — что гораздо важнее — связать с ним свою историческую судьбу. В случае успеха ЕАЭС вокруг России возникнет новая геополитическая реальность с особой, отвечающей исторической и культурной специфике региона моделью развития. Региональная интеграция явится тем инструментом, при помощи которого постсоветские государства смогут максимально использовать преимущества глобализации и минимизировать ее неизбежные издержки.

Данная стратегическая линия соответствует общей логике региональной интеграции, в каком бы регионе она ни происходила. Традиционно экономическая интеграция определяется как процесс взаимного переплетения национальных экономик и создания качественно нового хозяйственного пространства. Региональная интеграция в более широком смысле, включающая также политическую, социальную, научно-техническую, культурную интеграцию, тракту-

ется как процесс создания общих норм, правил и политики региона (Mattli, 1999.). При этом интеграция подразумевает масштабную территориальную дифференциацию, включающую поступательное снижение внутренних барьеров и возможное создание новых барьеров по отношению к внешним игрокам (Lombaerde, Langenhove; 2006). Такая дифференциация, как правило, ведет к существенному развитию имеющейся или к созданию новой региональной идентичности, которая позволяет участникам объединения отождествлять себя с ним или, наоборот, проводить разграничительные линии с остальным миром.

Многие ученые подчеркивают тесную связь региональной интеграции и глобализации, рассматривая объединительные процессы территориально близких стран как региональную реакцию на глобальные вызовы (Стрежнева, 2005). Например, в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) ставятся две задачи: догнать страны Запада по основным социально-экономическим параметрам, а также сохранить свое культурное своеобразие и политический суверенитет. Государства Западной Азии видят в сознательном регионализме средство, при помощи которого они могли бы конкурировать и выигрывать на глобальном поле идей и восприятий, где доминируют западные клише (Байков, Frost, 2008).

Понимание двуединого начала современной глобализации легло в основу определения региональной интеграции, выдвинутого кафедрой европейской интеграции МГИМО. С одной стороны, глобализация ведет к усилению взаимосвязей между странами, регионами и народами; с другой стороны, она закрепляет разделение мира на страты и способствует созданию их жесткой иерархии (Хелд, Гольдблатт и др., 2004). Страты формируются по уровню благосостояния, по степени мирового политического, экономического и культурного влияния, по доступу к ресурсам и информации, по использованию передовых технологий. В этих условиях главной движущей силой региональной интеграции является стремление участников совместно сформировать лучшую страту, нежели та, к которой они объективно принадлежали бы без интеграции. Не случайно объединение Европы произошло после Второй мировой войны, когда США и СССР стали главными мировыми силами, а колониальные империи, задававшие правила стратификации в предыдущую эпоху, перестали существовать.

Под этим углом зрения региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира. Ее главная общая цель — создание максимально успешной страты, то есть укрепление позиций объединения в сферах, наиболее важных для современного этапа глобализации. Задача каждой отдельно взятой страны — обеспечить себе максимально благоприятную стратегическую перспективу (Буторина, 2007, 2011).

Таким образом, к основным задачам ЕАЭС, кроме перечисленных в Договоре, правомерно добавить следующие:

- создание нового центра силы в рамках глобальной системы управления, который позволит его участникам эффективно реагировать на вызовы глобализации;
- формирование общей системы норм и практик, отвечающей внутренним и внешним интересам региона;
- сохранение культурного и идейного своеобразия региона, упрочение его суверенитета на мировой арене.

Последняя задача, несмотря на ее кажущееся внеэкономическое содержание, имеет решающее значение для будущего развития ЕАЭС. По мнению авторов, результаты создания евразийского экономического пространства, равно как его способность стимулировать процесс модернизации в государствах-членах, кардинальным образом зависят от того, в какой степени интеграция будет ориентирована на специфические потребности региона.

Главная идейная проблема, с которой столкнутся архитекторы евразийской интеграции, состоит в том, что подавляющее большинство современных представлений о природе и механизмах региональной интеграции возникло в период, предшествовавший глобализации, и предназначались они для решения задач развитой рыночной экономики, прежде всего в ее западноевропейском варианте. Следовательно, их теоретическая и практическая значимость применительно к нынешним реалиям стран ЕАЭС требует критического анализа и глубокой переработки, а также — что особенно важно — существенной теоретической и концептуальной надстройки. Без этого интеграция в ЕАЭС оставалась бы бледной тенью Европейских сообществ полувековой давности — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Разработка долгосрочной «шитой по мерке» интеграционной стратегии ЕАЭС подразумевает три направления действий.

Первое направление — критическое осмысление считающихся обязательными интеграционных мер, расчет их современных выгод и издержек, а также разработка недостающих инструментов интеграции. Для подтверждения сказанного приведем несколько примеров.

Хрестоматийная схема Б. Балаша подразумевает, что экономическая интеграция в своем развитии проходит четыре стадии, двигаясь от зоны свободной торговли к таможенному союзу, затем к общему рынку и, наконец, к валютному союзу. Однако шесть стран Европейского экономического сообщества сразу пропустили стадию зоны свободной торговли, создав в 1968 году таможенный союз. На следующую ступень интеграции ЕЭС поднялся только спустя четверть века, когда в 1992 году был оформлен единый внутренний

рынок с четырьмя свободами — движения товаров, услуг, капиталов и людей. В ЕАЭС создание таможенного союза вполне обоснованно планируется сочетать с формированием общих рынков услуг, капиталов и рабочей силы.

На рубеже 1960–1970-х годов страны ЕЭС начали разрабатывать, а потом видоизменять на ходу инструменты валютного сотрудничества, не предусмотренные схемой Б. Балашпа и основными теориями региональной интеграции. Делалось это в ответ на доминирующее положение доллара в мировой экономике и на крах Бреттон-Вудской международной валютной системы. Архитекторам ЕАЭС следует понимать, что большинство инструментов, применявшихся в 1970–1980-х годах в Западной Европе, не может применяться в современных условиях вследствие повсеместной либерализации движения капиталов. Напомним, что в ЕЭС движение капиталов оставалось ограниченным вплоть до создания единого внутреннего рынка. Странам ЕАЭС придется объединять свое финансовое пространство в гораздо более сложных условиях, чем в свое время это делали государства ЕЭС.

Тем больше вопросов вызывает появление в Договоре о ЕАЭС призрака маастрихтских критериев. Согласно статье 63, устойчивость экономического развития государств-членов определяется тремя макроэкономическими показателями: размером дефицита госбюджета и госдолга (их отношением к ВВП), а также темпом инфляции. Напомним, что данные критерии были разработаны в ЕС и включены в текст основополагающего договора только в связи с предстоящим введением единой валюты — чего страны ЕАЭС делать не собираются. Более того, по опыту еврозоны хорошо известно, что добиться минимального бюджетного дефицита крайне сложно даже при наличии «дубины» в виде Пакта стабильности и роста. Почему страны ЕАЭС выбрали именно эти показатели в качестве критериев устойчивого развития? Может быть, в их случае правильнее контролировать изменение реального ВВП на душу населения, коэффициент Джини или долю высокотехнологичной продукции в экспорте? Думается, что на эти вопросы мы не получим внятных ответов до тех пор, пока процесс евразийской интеграции не станет предметом широкой научной и общественной дискуссии.

Существенное отличие интеграции в ЕЭС на ее ранних стадиях от того, что предстоит делать архитекторам ЕАЭС, связано с деятельностью ВТО. Когда страны «шестерки» снимали внутренние торговые барьеры, это оказывало значительный стимулирующий эффект на внутрирегиональные торговые потоки. Теперь же общий уровень таможенной защиты во всем мире гораздо ниже. Поэтому эффект создания и отклонения торговых потоков (при прочих равных условиях) будет в ЕАЭС ощутимо слабее. К этому следует добавить: если в ЕС на внутрирегиональную торговлю приходится немногим более 60% товарооборота, то в странах СНГ эта доля не превышает 20% (Головнин, Ушкалова, 2011).

Второе направление — максимальная адаптация стратегии и тактики интеграции к условиям переходной экономики, или экономики стран с формирующимися рынками. Термин «переходная экономика» сегодня следует использовать с осторожностью в силу его очевидной неоднозначности. Начавшийся 25 лет назад переход бывших социалистических стран от плановой экономики к рыночной, по логике, должен был уже завершиться. Результаты этого перехода неодинаковы для различных групп стран — как по показателям благосостояния граждан, так и по общим итогам реформ, включая реформу права и институтов (IMF, 2014). Альтернативный, многовариантный характер развития переходной экономики признавался специалистами еще в начале транзита. Подобное разнообразие вытекало из самой природы переходной экономики, содержавшей элементы старого и нового состояний (Радаев, 1995). В настоящее время переходную экономику уже нельзя рассматривать как систему, которая определенно движется в сторону зрелой рыночной экономики и должна рано или поздно стать ею. В ряде стран происходит консервация тех или иных свойств переходной экономики, которые превращаются в устойчивые характеристики местной версии рыночной экономики, имеющей, как правило, различимую культурную и историческую основу.

Какие из нынешних характеристик экономических систем стран ЕАЭС являются переходными, а какие только кажутся ими, будучи в действительности глубоко укорененными в местные традиции, ментальность и практики? Какую модель рыночной экономики евразийские страны желают иметь? Чем она будет отличаться от англосаксонской, континентальной европейской, азиатской версий капитализма? В чем состоят неизменные ценности евразийства, и как они должны проявляться в экономической политике? Без ответов на эти вопросы интеграция в ЕАЭС была бы лишена идейной основы и широкой общественной поддержки.

Главное преимущество рыночной экономики перед альтернативными экономическими системами принято усматривать не столько в более эффективном распределении ресурсов, сколько в способности стимулировать инновационную деятельность. Объяснение состоит в том, что инновации связаны с большим риском, а бюрократия не побуждает участников экономических отношений к его принятию. Зато хорошо работающий рынок капитала с четко определенными правами собственности (как на продукцию и факторы производства, так и на организационные принципы и методы управления) обеспечивает большую рентабельность инновационной деятельности, чем в обществе со слабыми рыночными институтами (Клейг, 1994; Williamson, 1985).

Государства постсоветского пространства заметно уступают странам с развитой рыночной экономикой по уровню защиты прав собственников. К общим проблемам относятся: громоздкий бюрократический аппарат,

Таблица 1. Темпы прироста ВВП в 2000–2014 годах

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Армения	5.9	9.5	14.8	14.1	10.5	14.1	13.2	13.7	6.9	-14.2	2.2	4.7	7.1	3.5	3.2
Беларусь	5.7	4.7	5	7	11.4	9.4	10	8.7	10.3	0.1	7.7	5.5	1.7	0.9	0.9
Казахстан	9.8	13.5	9.8	9.3	9.6	9.7	10.7	8.9	3.3	1.2	7.3	7.5	5	6	4.6
Россия	10	5.1	4.7	7.3	7.2	6.4	8.2	8.5	5.2	-7.8	4.5	4.3	3.4	1.3	0.2
Страны Европы с формирующимися рынками	5.2	-0.2	4.4	4.8	7.4	5.9	6.4	5.3	3.2	-3.6	4.7	5.5	1.4	2.8	2.7
Еврозона	3.8	2	0.9	0.7	2.2	1.7	3.3	3	0.4	-4.5	2	1.6	-0.7	-0.4	0.8
США	4.1	1	1.8	2.8	3.8	3.3	2.7	1.8	-0.3	-2.8	2.5	1.6	2.3	2.2	2.2

Источник: МВФ, электронная база данных World Economic Outlook Database, October 2014. Данные за 2013 и 2014 годы — оценка.

тический аппарат, запутанность и непостоянство законодательства, недостаточная самостоятельность судов, повышенный уровень коррупции. Поскольку в Договоре о ЕАЭС указано, что одним из принципов функционирования союза является «уважение особенностей политического устройства государств-членов» (статья 3), возникает вопрос о том, какие элементы национальных политических систем будут сохраняться в неизменном виде, а какие станут предметом гармонизации.

Уязвимым местом переходной экономики остается высокая волатильность основных макроэкономических показателей и более широкая, чем в развитых экономиках, амплитуда делового цикла. В периоды благоприятной хозяйственной конъюнктуры формирующиеся рынки растут быстрее, чем зрелые, что объективно укладывается в логику намерстывания. Однако формирующиеся рынки имеют и более высокую склонность к перегреву экономики. Кризис в них зачастую оказывается более глубоким, чем в развитых экономиках. Налицо значительная неоднородность экономической динамики и большая уязвимость хозяйственных систем к внешним и внутренним шокам.

На протяжении 2002–2007 годов европейские страны с формирующимися рынками опережали еврозону по темпам прироста ВВП на 2–5 процентных пунктов. И хотя в 2009 году их падение ВВП было меньшим, чем в еврозоне, в России и Армении спад оказался гораздо более глубоким, чем в США и в зоне евро. За последние 15 лет разброс темпов прироста ВВП составил в США около 7 процентных пунктов, в еврозоне — 8 пунктов, в Беларуси — 11 пунктов, в Казахстане — 12 пунктов, в России — 18 пунктов, а в Армении — почти 30 пунктов (см. таблицу 1.)

Существенное негативное влияние на хозяйственное развитие и макроэкономическую политику стран ЕАЭС оказывают повышенная инфляция и постоянное присутствие валютного риска. Отсюда —

высокие процентные ставки, задающие чрезвычайно высокую планку рентабельности для хозяйствующих субъектов (особенно для малых и средних предприятий) и осложняющие проведение центральными банками денежно-кредитной политики, в частности, по причине ущербности трансмиссионного механизма. Наиболее остро эти характеристики проявляются в условиях кризиса. Возможности снижения процентных ставок оказываются ограниченными как из-за хронически высокого инфляционного давления, так и ввиду риска девальвации, чреватого крупными потерями при наличии незахеджированных валютных обязательств на балансах банков и нефинансовых организаций (Jасome, 2011; Прилепский, 2013). Драматизма кризисной картине добавляет чрезмерная, по меркам развитых стран, реакция фондовых рынков. Недостаточная развитость, широта, глубина и ликвидность объясняют их низкую устойчивость к внешним и внутренним шокам.

Предусмотренная Договором о ЕАЭС согласованная макроэкономическая политика (статья 62) должна в полной мере учитывать особенности переходной экономики и отвечать на возникающие перед ней специфические вызовы, не свойственные развитым рынкам. Решение этой задачи требует большой научной и аналитической работы, поскольку современная экономическая мысль в основном обслуживает запросы участников рынка и регуляторов из промышленно развитых стран. Рекомендации ведущих международных экономических организаций правительствам развивающихся стран обычно не выходят за идеологические рамки вашингтонского консенсуса и не предлагают эффективных мер по преодолению асимметрии мировых финансовых рынков. Мейнстрим мировой экономической науки не имеет сложившейся теоретической школы переходной экономики.

Третье направление диктуется спецификой исходных условий евразийской интеграции. Не претендуя на их полный обзор, назовем лишь наиболее важные: гелеоцентричность, слабое развитие внутриотраслевого разделения труда, наличие внешнего центра притяжения.

Если в ЕЭС интеграцию с самого начала двигали политические элиты трех крупных и равных по населению стран — Германии, Франции и Италии, то в ЕАЭС, также как в СНГ, у интеграции есть единственный центр и локомотив — Россия. Наличие полицентрической системы значительно облегчает выработку коллективных решений и создание общих органов управления. Напротив, моно- или гелеоцентричность региональной группировки сильно затрудняет поиск компромиссов и равнодействующего вектора действий (Борко, Буторина, 2001). Гелеоцентричным был существовавший в период «холодной войны» Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), политику которого целиком определял СССР. Ныне аналогичную структуру имеют НАФТА и МЕРКОСУР: в первом объединении доминируют США, во втором — Бразилия. Отметим, что ни одна из перечислен-

ных группировок не создала развитой системы наднациональных органов, а также эффективных механизмов принятия и исполнения решений. СЭВ и НАФТА остановились на нижней стадии экономической интеграции — зоне свободной торговли. Страны МЕРКОСУР создали общий рынок с многочисленными изъятиями.

Гелеоцентричность ЕАЭС имеет и другие побочные эффекты. Тесные связи с Россией определяют высокую зависимость экономики Казахстана и Беларуси (а также других потенциальных участников объединения) от российской хозяйственной конъюнктуры. Кризисные явления в России быстро распространяются на сопредельные государства, но не наоборот. Данный факт, безусловно, затрудняет выработку общей экономической политики ЕАЭС и повышает градус возможных взаимных претензий. В СНГ экономическое доминирование России привело к созданию зонтичной схемы торговых связей. Основная часть внутрирегионального товарооборота формировалась поставками из и в Россию, тогда как торговые связи остальных участников друг с другом оставались ограниченными. Преобладание двусторонних связей над многосторонними объективно снижало мотивацию участников СНГ к развитию многостороннего диалога. В ЕАЭС данная проблема стоит еще острее.

Успешное развитие экономической интеграции решающим образом зависит от наличия у стран-участниц высокоразвитого промышленного потенциала, создающего почву для интенсивного внутриотраслевого обмена. Если же хозяйственные связи ограничиваются межотраслевым обменом, то они, как правило, оказываются весьма уязвимыми к колебаниям политической и экономической конъюнктуры (Шишков, 2001). Страны ЕАЭС пока не имеют того переплетения хозяйственной жизни «на уровне корней травы», на которое с самого начала опиралась интеграция между государствами ЕЭС. Уровень интеграции их рынков невысок, что было также характерно для СЭВ и СНГ. Основной формой экономических связей на постсоветском пространстве была торговля, а не совместная разработка и производство сложной наукоемкой продукции или проектирование и реализация инвестиционных проектов (Строев, Бляхман, Кротов; 1998). Уровень промышленной специализации и кооперации между предприятиями стран ЕАЭС заметно ниже, чем в ЕС, НАФТА и даже в АСЕАН. Эксперты отмечают минимальное развитие секторальной составляющей евразийской интеграции, слабые связи между субъектами хозяйственно-экономической деятельности ее государств-участников (Трещенков, 2014). Схожесть экспортных потенциалов России, Казахстана и Беларуси, их общая высокая потребность в импорте высокотехнологичных товаров — дополнительный вызов для стратегов ЕАЭС.

Западная Европа объединялась в особых геополитических условиях, попав в жернова между двумя центрами силы — США и Советским Союзом с его вновь созданной социалистической системой. Данное

обстоятельство выступило мощным консолидирующим фактором не только само по себе, но и потому, что оба центра силы оказались дистанцированными от эпицентра интеграции. Соединенные Штаты были отделены от Западной Европы океаном, а СССР и страны Восточной Европы — железным занавесом в политике и неконвертируемостью своих валют в торговле.

ЕАЭС стартует в принципиально иных условиях. Все четыре государства в экономическом и технологическом плане завязаны на третьи страны Европы, главным образом на Европейский союз. Несмотря на готовность диверсифицировать географию торговли и инвестиций, расширять контакты с Китаем, Индией и Бразилией, в обозримой перспективе возможности модернизации участников ЕАЭС прочно связаны с Западом. Как и в СНГ, важнейшей проблемой интеграции в ЕАЭС является преобладание внешних связей над внутренними. Отсюда — необходимость разработки и практического применения открытой модели евразийской интеграции, на которой настаивают авторитетные российские экономисты (Винокуров, Либман; 2013).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ ЕАЭС

Серьезный интеграционный проект требует того, чтобы в его основе лежала масштабная консолидирующая идея, тесно связанная с представлением об общности исторической судьбы участников проекта. Интеграция только в экономической области, не подкрепленная интеграцией политической, культурной и социальной, представляет собой довольно рискованный, уязвимый в долгосрочном плане проект. Ведь позитивное влияние региональной интеграции на уровень жизни населения проявляется довольно медленно и неравномерно. В периоды неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры самые слабые страны и регионы больше других испытывают тяготы и лишения. Если консолидирующая идея отсутствует, это неизбежно ведет к нарастанию центробежных тенденций; недовольство интеграцией распространяется как среди элит, так и среди широких слоев населения.

Архитекторы евразийской интеграции объявляют ее идейным фундаментом теорию евразийства, которая разрабатывалась в основном в первой половине XX века группой русских философов, включая П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, С. М. Соловьева и Л. Н. Гумилева (Мансуров, 2014). Некоторые эксперты видят в современной евразийской идее средство самоидентификации и сплочения нации, необходимое для сохранения и преумножения человеческого капитала (Подберезкин, Подберезкина; 2013).

Тем не менее до сих пор анализ правовой базы ТС и ЕЭП ЕврАзЭС не давал четкого представления о сущности модели евразийской интеграции. Ее нередко квалифицировали как «межгосударственное торгово-экономическое объединение с элементами наднационального регулирования в технических вопросах». Что касается Евразийского экономического союза, то он, как полагают, способен стать инструментом эффективной региональной интеграции при соблюдении двух взаимосвязанных условий. Первое — сближение с технологическими и финансовыми мировыми лидерами, второе — проведение параллельно с межгосударственной интеграцией внутренних преобразований в политической и экономической сферах стран-участниц (Трещенков, 2014).

Между тем постсоветское пространство как совокупность государств, объединенных историческим прошлым и экономическими связями, имеет достаточные основания, чтобы стать сплоченным сообществом с общей будущей судьбой и с общей позицией в глобальном мире. Для этого интеграция, кроме экономического измерения, должна иметь мощную цивилизационную составляющую. Чтобы воссоздать братский союз дружественных народов, политики должны предъявить гражданам не столько «твердую», сколько привлекательную для человека с улицы «мягкую» силу, которая позволила бы им пробиться к умам и сердцам людей. Без этого чиновники даже самого высокого ранга не сумеют превратить ЕАЭС в устойчивый интеграционный проект, функционирующий не только в интересах правящей бюрократической и деловой элиты, но и в интересах всех граждан.

О важности гуманитарного фактора в интеграции свидетельствует история европейских объединений. Созданная в 1960 году Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) во главе с Великобританией не ставила никаких целей, кроме экономических. За тридцать лет существования шесть из 10 ее членов вышли из организации и вступили в Европейский союз. Зато государства Северной Европы, создавшие еще в 1960-х годах общее правовое, социальное и образовательное пространство, а также общий рынок рабочей силы, успешно сохраняют свои активы, хотя одна их часть находится внутри Евросоюза, а другая — за его пределами.

На нынешнем этапе глобализации конкуренция идей представляет собой такую же неотъемлемую часть борьбы за мировое лидерство, как соперничество стран и регионов в экономической и военной сферах. Глобализация серьезно влияет на процесс развития и институализации мировой интеллектуальной сферы. Значительно возрастает роль аналитической деятельности по формированию стратегии и тактики управления сложными системами: регионами, отраслями, транснациональными корпорациями и государствами (Филиппов, 2007). Особенно востребованной становится разработка представлений о перспективах и протекании процессов глобального развития, а также разработка стратегий управления рефлексией мирового об-

ществленного мнения по поводу происходящего (Войтоловский, 2006). За последние десятилетия формы и методы интеллектуального влияния во всем мире существенно изменились. В мировом интеллектуальном пространстве стали циркулировать идеи, рожденные не только академической или университетской средой, но и представляющие собой продукцию негосударственных аналитических центров.

В этом смысле разработка привлекательной, работающей на практике идеи евразийской интеграции имеет первостепенное значение для будущего России и ее соседей. Однако евразийская интеграционная модель не может быть разработана и навязана ее участникам самым крупным государством, то есть Россией. Чтобы быть жизнеспособной, она должна разрабатываться совместными усилиями всех государств-членов в ходе длительного открытого диалога, основанного на взаимном уважении и доверии. Столь масштабная интеллектуальная работа должна иметь системный характер, соответствующее институциональное оформление и финансирование. Следует понимать, что даже самые высококвалифицированные чиновники не способны обеспечить ту интеллектуальную среду, в которой могли бы родиться новые теоретические подходы к региональной интеграции, отвечающие специфическим потребностям и задачам стран ЕАЭС.

Кто и каким образом мог бы создать на базе философского фундамента евразийства первой половины XX века современную концепцию евразийской интеграции?

Данную задачу, повторим, нецелесообразно поручать органам ЕАЭС, поскольку она требует широкой общественной и научной дискуссии. На наш взгляд, за ее выполнение могли бы взяться сразу несколько научно-исследовательских и аналитических центров (think tanks), расположенных в странах ЕАЭС, как национальных, так и трансграничных. Создание сети конкурирующих и взаимодействующих научных центров придало бы новое качество постсоветскому интеллектуальному пространству, способствовало бы развитию ныне весьма слабых горизонтальных связей, а также помогло бы вырастить новое поколение евразийских интеллектуалов, работающих в рамках русскоязычного смыслового пространства.

Сеть евразийских мозговых центров могла бы функционировать как на децентрализованной основе, так и с единым координирующим центром, который определял бы основные направления научных дискуссий и направлял проведение системных научных исследований в рамках «сверхзадачи» проекта. Центр мог бы выполнять функцию модератора дискуссий и проводить работу по продвижению нового интеллектуального контента в публичное евразийское и международное пространство. Адекватное кадровое и финансовое обеспечение работы евразийских мозговых центров позволило бы уже в ближайшие два-три года сформировать систему евразийских ценностей

(в отношении которых имеется общественный консенсус) и начать их энергичное продвижение в отношениях с третьими странами.

Будущая система евразийских интеллектуальных групп могла бы состоять как из получивших специальный заказ государственных учреждений науки, так и из вновь созданных независимых мозговых центров, частично или полностью финансируемых бизнесом. Последнее особенно важно для того, чтобы евразийская интеграция сочетала в себе интеграцию «сверху» и интеграцию «снизу», то есть вела к объединению рынков и улучшению инвестиционной среды. Для создания подобной системы органам и государствам — членам ЕАЭС полезно обратиться к весьма богатому мировому опыту.

Как уже отмечалось, гибкая и способная к быстрому реагированию на изменение реальности система негосударственных аналитических центров является важным инструментом борьбы за интеллектуальное лидерство в современном мире. Такие центры возникли в ответ на актуальные вызовы современности и в настоящее время представляют собой значительный интеллектуальный ресурс, позволяющий адекватно оценивать сложные комплексные проблемы (Филиппов, 2007).

На сегодняшний день «инфраструктура» мирового интеллектуального пространства, наряду с традиционными академическими учреждениями, университетами и государственными аналитическими институтами, включает в себя и негосударственные аналитические центры («мозговые центры» — think tanks) (Rich, 2004), а также институты, советы и ассоциации исследовательско-аналитического характера. Отличие таких форм организации экспертного сообщества, как *советы* и *ассоциации* (Американская внешнеполитическая ассоциация — 1918 год, Совет по международным отношениям — 1921 год и другие), от обычных «мозговых центров» заключается в том, что они не только вырабатывают концепции, но и стремятся использовать свою структуру для их внедрения в политическую практику. Советы и ассоциации проводят публичные и закрытые дискуссии среди экспертов, политиков, крупных государственных чиновников и бизнесменов (Войтоловский, 2006).

Продукция независимых аналитических структур — прикладная политическая экспертиза, аналитические статьи, фундаментальные теоретические труды. В отличие от академических исследований для интеллектуальных продуктов этих структур характерно стратегическое целеполагание, основанное на определенных представлениях о желаемых социально-экономических и политических результатах (Войтоловский, 2006).

Основными источниками финансирования «мозговых центров» являются: пожертвования крупного бизнеса и частных лиц (в основном на исследовательские проекты), осуществляемые как напрямую, так и через благотворительные фонды; поступления из государствен-

ных бюджетов в виде платы за аналитические разработки, подготовленные по государственным заказам; доходы от публикаций и изданий; поступления от различного рода мероприятий.

Процесс становления глобальной системы «мозговых центров» происходит уже более века. Первые негосударственные аналитические центры («мозговые тресты» или «мозговые центры») были созданы в США в начале XX века: Фонд Карнеги за международный мир — 1910 год, Институт Брукинса — 1916 год, Институт Гувера — 1919 год. Они создавались по инициативе крупного бизнеса и обладали формальной независимостью от государства. Некоторые из этих центров выросли из университетских лабораторий, работавших над политическими рекомендациями и правительственными программами. Они стремились содействовать налаживанию отношений между бизнесом, властью и обществом. Одно из важнейших направлений их деятельности — организация и проведение исследований по вопросам внешней политики США и международных отношений.

Возникла необходимость в разработке новых концепций, обосновывающих расширение государственной внешнеполитической поддержки американского бизнеса, и создаваемые структуры должны были ответить на этот вызов дня. Уже на ранних этапах своего становления американские «мозговые центры» нередко выказывали способность выдвигать концепции, отличные от реализуемых государством. С 20-х годов прошлого века ни одна серьезная внешнеполитическая инициатива в США не отработывалась на безальтернативной основе, без привлечения негосударственных аналитических центров (Войтоловский, 2006).

Начиная со второй половины XX века новые «мозговые центры» активно создавались не только в США, но и в странах Западной Европы, и в Японии. При этом многие европейские и японские экспертно-аналитические центры находились в отношениях ассоциированного партнерства с ведущими американскими центрами.

С конца 1960-х годов начала происходить транснационализация экспертной работы. Одним из первых транснациональным «мозговым центром» стал созданный в 1968 году Римский клуб, прославившийся своими глобальными политико-экономическими и социально-демографическими прогнозами. Со временем он стал своего рода лабораторией научно-идеологического поиска решений глобальных проблем (Войтоловский, 2006).

В этот период появились негосударственные аналитические структуры, не только объединившие в себе экспертов различных стран Запада, но и не привязанные в своей работе к какому-либо государству. Транснациональные центры зачастую имели несколько штаб-квартир в разных странах мира. Основной целью их деятельности была разработка прогнозов и стратегия развития всего человечества. Например, влиятельным транснациональным «мозговым центром»

стала возникшая в 1973 году Трехсторонняя комиссия. Этот неофициальный международный институт совмещал в себе черты политической ассоциации, «мозгового центра» и элитного дискуссионного центра (Войтоловский, 2006).

Начиная с 60–70-х годов XX века стали создаваться «мозговые центры» нового типа. Они получили условное название «пропагандистские мозговые центры» (advocacy think tanks: Центр стратегических и международных исследований, Фонд наследия, Институт Катона) (Abelson, 2002). В конце XX — начале XXI века наметились новые тенденции и направления транснационализации мировой интеллектуально-аналитической сферы. Во-первых, наряду с созданием исходно многонациональных интеллектуальных институтов начался процесс транснационализации аналитической деятельности тех центров, которые прежде были преимущественно национальными. Во-вторых, стали создаваться национальные, региональные и глобальные структуры в форме сетевых объединений «мозговых центров» (Войтоловский, 2006).

В современном мире сложилась, по сути, глобальная система «мозговых центров» и происходит интенсивный процесс ее развития. По мнению экспертов, на рубеже веков был настоящий бум «мозговых центров». Во всем мире их количество выросло и к 2004 году составило 4.5 тыс. Две трети существующих сегодня «мозговых центров» было создано после 1970 года, и примерно половина из них — после 1980-го (McGann, 2002).

Идеи, сформулированные специалистами из экспертно-аналитических центров различных стран мира (и в первую очередь США), умело вбрасывались в интеллектуальный оборот других стран, а затем проникали и в оборот политический. Публикации западных аналитиков нередко не только задавали набор идей, но и формировали понятийный аппарат, с помощью которого осмысливались реалии существующего миропорядка. В сложившейся на сегодняшний день глобальной системе «мозговых центров» российские и евразийские аналитические центры участвуют в весьма ограниченных масштабах и в основном в пассивной форме. Как правило, им отводится роль региональных субподрядчиков, а не равноправных партнеров (Войтоловский, 2006).

Для постсоветского пространства в целом характерно отсутствие современной системы коммуникаций в сфере производства новых смыслов и идей, которые могли бы определить возможные направления развития не только евразийского проекта, но миропорядка в целом. Весьма рискованным для общественной мысли наших стран было бы пребывание во втором эшелоне мирового интеллектуального процесса. Недостаточное знакомство с западными теориями и практикой региональной интеграции ограничило бы возможности ученых из стран ЕАЭС подвергать их критическому анализу, а главное — соз-

давать новые концепции региональной интеграции, соответствующие историческим реалиям и современным потребностям региона. Поиск новых методов региональной интеграции должен включать в себя комплексное изучение опыта регионального строительства стран Азии и Латинской Америки, экономики которых имеют много общего с экономикой России и ее соседей. Интенсивный контакт с руководящими органами АСЕАН, МЕРКОСУР и действующими там интеллектуальными центрами — еще одна важная задача «мозговых центров» стран Евразийского экономического союза.

Создание в странах ЕАЭС неправительственных аналитических центров, работающих вместе с академическими институтами и другими государственными научными учреждениями на направлении региональной интеграции, позволило бы создать консолидированную интеллектуальную среду и сделать качественный рывок в процессе генерирования новых идей евразийства. Успешная стратегия евразийского проекта, на наш взгляд, может быть выработана только в результате серьезных фундаментальных исследований и широкой общественной дискуссии, в которую были бы вовлечены все группы интересов: политические элиты, бизнес (как крупный, так и малый, и средний), объединения потребителей и общественные организации.

ЛИТЕРАТУРА

Abelson, D. E. (2002) Think Tanks and U. S. Foreign Policy: An Historical Perspective. U. S. Foreign Policy Agenda. Vol.7. № 3.

Frost, E. L. (2008) Asia's New Regionalism. L.: Lynne Rienner Publishers.

Jacome, L. I. et al. (2011) Can Emerging Market Central Banks Bail out Banks? A Cautionary Tale from Latin America. IMF Working Paper No. 11/258.

De Lombaerde, Ph., Van Langenhove, L. (2006) Indicators of Regional Integration: Conceptual and Methodological Aspects. De Lombaerde Ph. (Ed.) Assessment and Measurement of Regional Integration. Routledge.

International Monetary Fund. 25 Years of Transition. Post-Communist Europe and the IMF. Regional Economic Issues, Special Report.

McGann J. G. (2002) Think Tanks and the Transnationalization of Foreign Policy. U. S. Foreign Policy Agenda. Vol.7. № 3

Mattli W. (1999) The Logic of Regional Integration, Cambridge.

Rich A. (2004) Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. Cambridge University Press, P.13

Rosamond B. (2000) Theories of European Integration. London: Palgrave.

Tovias, A. (1994) A Survey of the Theory of Economic Integration. Michelmann H.J, Soldatos P. (Eds.) European Integration: theories and approaches. University Press of America. P. 57–75.

Williamson O. The Economic Institutions of Capitalism. New York: Free Press.

Байков А. (2008) Интеграция в Азии: опыт геополитической интерпретации. *Международные процессы*. 2008. Том 6. № 18. С. 117–121.

Борко Ю., Буторина О. (2001) От Европейского союза — к Соединенным Штатам Европы? Европейский союз на пороге XXI века. Выбор стратегии развития. Москва: Эдиторал УРСС. С. 430–462.

Буторина О. (2007) Интеграция в стиле фанк. Россия в глобальной политике. Том 5. С. 106–121.

Буторина О. (2001) Региональная интеграция: основные понятия. Европейская интеграция: учебник. Москва: Деловая литература. С. 12–30.

Винокуров Е., Либман А. (2013) Две евразийские интеграции. *Вопросы экономики*. № 2. С. 47–72.

Войтоловский Ф. (2006) «Производство» интеллектуального пространства мировой политики. *Международные процессы*. Том 4. № 2 (11). С. 100–111.

Головнин М., Ушкалова Д. (2011) Внешнеторговое взаимодействие стран СНГ в условиях кризиса. *Евразийская экономическая интеграция*. № 10. С. 24–42.

Клейг К. (1994) Путешествие в рыночную экономику. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. Российский государственный гуманитарный университет. С. 13–48.

Мансуров Т. (2014) ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу. *Международная жизнь*. Октябрь. С. 15–33.

Подберезкин А., Подберезкина О. (2013) Роль России в развитии евразийской интеграции. *Евразийская экономическая интеграция*. № 2 (19). С. 88–98.

Прилепский И. (2013) Макроэкономическая теория и практика на этапе выхода из кризиса. Мировая экономика в начале XXI века. Москва: Директ-Меди. С. 211–226.

Радаев В. (1995) Содержание переходной экономики: общее и особенное. Экономика переходного периода. Москва: МГУ. С. 37–51.

Стрежнева М. (2005) Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления. *Международные процессы*. Том 3. № 7. С. 17–28.

Строев Е., Бляхман Л., Кротов М. (1998) Экономика Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия. Санкт-Петербург: Наука.

Трещенков Е. (2014) Европейская и евразийская модель интеграции: пределы соизмеримости. *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 31–41.

Филиппов В. (2007) Аналитические центры — стратегический интеллектуальный ресурс. Москва: ЛЕНАНД.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. (2004) Глобальные трансформации. *Политика, экономика и культура*. Москва: Праксис. С. 17–36.

Шишков Ю. (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. Москва: III Тысячелетие. Гл. 1.